

ФОРМЫ ВОПЛОЩЕНИЯ КОНЦЕПТА «ВОЗРОЖДЕНИЕ» В КАЛЕНДАРНО-ОБРЯДОВОЙ КУЛЬТУРЕ РУССКОГО НАРОДА

Рассматривается символическая природа традиционного календаря. В частности, отмечается, что символика традиционной культуры русского народа обладает большим теоретико-методологическим потенциалом: в традиционных формах выражаются ключевые символы-ценности и символы-идеи народа. Календарный (и в этом соответствии обрядовый) год строился по принципу вечного круговорота. При этом утверждалось единое знание, понимаемое как вечное возвращение к началу, открывающее перед людьми новые жизнеустроительные горизонты, в связи с чем актуальным является выделение и исследование концепта «возрождение».

Ключевые слова:

календарь, концепт «возрождение», русская традиционная культура.

Русская традиционная культура в своей сущности предстает в качестве уникальной символической системы, раскрытие значений которой приводит к постижению ее содержания. Символика традиционной культуры русского народа обладает большим теоретико-методологическим потенциалом: в ней выражаются ключевые символы-ценности и символы-идеи народа (мифологические, религиозные, социальные, этнические, художественные и государственные). Полновесно реализуясь, концепт «возрождение» емко проявляется в символической природе традиционного календаря и обрядовой культуре русского народа.

Основу календаря составляла система наблюдений – первичное постижение окружающего природного пространства, не требующее специальных знаний и умений. При этом, наблюдения за видимыми фазами луны, от которых напрямую зависела вегетация растений и человеческое плодородие, солнечными циклами, влияющими на смену времен года, дополнялись сводом указаний для ритуальной и практической деятельности человека.

Земледельческий аграрно-обрядовый календарь был синтезом рационального (практического) и иррационального (ритуально-магического) знания, поскольку сквозь призму мифологической мировоззренческой основы была создана серьезная эмпирическая база астрономических открытий (объективным свидетельством служит знаковая система кружков и полумесяцев в изобразительном искусстве, система примет – метеорология). Примером воплощения в земледельческом календаре аграрно-мифологической картины мира служит загадка о календаре: «Выросло дерево от земли до неба. На том дереве двенадцать сучков; на каждом сучке по четыре коше-

ля, в каждом кошеле по семь яиц, а седьмое красное!». Здесь сплелись воедино и мифологическое «дерево жизни», и православное воскресенье. В то же время, очевидная (простая) отгадка, по мнению А.А. Коринфского, («Дерево – год, сучки – месяцы, кошелю – недели, семь яиц – семь дней, седьмой день – красен-праздничек, воскресеньице») напрямую соотносила эту реалию обыденной трудовой жизни с самой емкой культурной реалией язычества – *Мировым деревом* – символом жизни как таковой, вечного возрождения [5, с. 16].

Жизнь русского народа – народа-землепашца – пронизывали обрядово-ритуальные действия *магического* характера: *продуцирующего* (способствующего получению искомого результата) и *профилактического* (направленного против враждебной силы).

«Аграрная магия, являвшаяся главным стержнем языческого культа, требовала близости к природе ... – аргументированно подтверждает Б.А. Рыбаков. – Календарь языческих молений слагался, во-первых, из четырех солнечных фаз... Во-вторых, годовой языческий цикл складывался из сезонных аграрных обрядов, часть которых впоследствии была приурочена к христианским праздникам» [7, с. 164–165]. При этом ориентация на солнце или луну носила важный характер. Фиксация «возрождающегося» солнца или «набирающей» луны определяла весь цикл сельскохозяйственных работ.

Основными точками отсчета были дни зимнего (22 декабря) и летнего (22 июня) солнцестояний, весеннего (21 марта) и осеннего (23 сентября) равноденствий. В первую половину года, отмечает Ф.С. Капица, земледелец вспахивал поля, сеял, выводил на пастбище скот, потому и «обращения к высшим силам природы были проникнуты просьбами о помощи в обес-

печении будущего урожая». Вторую (время сенокоса, жатвы, обмолота и обработки собранного урожая) – «благодарил природу за помощь» [4, с. 7].

Деревенские обряды, игры и хороводные песни, основанные на первобытном знании как профилактическом, так и продуцирующем, позже сосредоточились вокруг христианских праздников: Рождества Христова, Васильева дня, Крещения, Пасхи, Фоминой недели, Троицы, Юрьева дня (св. Георгия), Николина дня (Николая-чудотворца), Ивана Купалы (Иванова дня, Иоанна-Крестителя), Ильи-пророка, Покрова Богородицы, Козьмы и Демьяна.

Земледельческий календарь стал полноценным воплощением концепта «возрождение». Он не только персонафицировал природу мифа, но и отражал имевшиеся представления о времени первородном и времени обновления – возрождения сил природы, которые, по сути, и послужили началом его практической (эмпирической) заданности. Само восприятие времени пахарем было основано на ежегодной повторяемости явлений природы, соответствовавших круговороту солнца. Потому и циклический принцип развертывания времени (с равноположенностью прошлого, настоящего и будущего) приобретал в земледельческом календаре универсальную форму.

Земледельский календарь предполагал не только соотнесение, но и уподобление жизни земледельца в его социально-аграрной направленности природному миру в его вечно возрождающейся динамике: начальной активности (подготовка), трудовой активности (получение результата (урожая), периода ожидания (окончание полевых работ). При этом сезонное деление календарных праздников и обрядов непосредственно зависело от природно-климатических условий проживания, цикличности сельскохозяйственных работ и повседневной жизни земледельцев.

Рассмотрение календарных обрядов с учетом земледельческих работ, определивших их характер и особенности, позволило ряду исследователей выделить два варианта: а) обряды, вызывающие урожай, б) обряды, сопровождающие получение урожая. Временные рамки этих циклов определялись периодом созревания хлебов и овощей.

Обрядовые циклы начинались в конце предшествующего месяца и заканчивались в первой половине следующего месяца. Исключения составляли даты, связанные с передвижным характером весенних праздников, зависевших от первого весеннего новолуния. Считающаяся главным празд-

ником весны Пасха не имеет постоянного числа, справляется в разные дни (примерно от 22 марта до 25 апреля). От празднования Пасхи зависит Масленица, Вознесение, русальная неделя, Троица и Духов день. Эти «скользящие» праздники, сопровождавшиеся многочисленными обрядами, приходятся на конец января–февраль (Масленица, 8-я неделя до Пасхи), конец марта–апрель (Пасха), май–июнь (Вознесенье – 40-й день после Пасхи; русальная или семицкая неделя – 7-я после Пасхи; Троица и Духов день – 50-й и 51-й дни после Пасхи).

Соположенными (зеркально отражающими друг друга) мыслялись в сознании нашего предка времена года. Зима симметрична лету, осень – весне, что выразилось в сходной последовательности более или менее «отмеченных» дней и зафиксировалось в многочисленных пословицах, приметах, загадках, сравнивающих времена года. «В земледельческом календаре, – отмечает А.К. Байбурин, – все составные части увязаны: одно время года определяется по другому, а каждый месяц составляет пару с противоположным ему месяцем второго полугодия» [2, с. 11]. Последнее наблюдение, отмеченное ученым, выразилось в целой системе привязанных к определенным дням и сезонам примет и поверий. Обычно они представляли собой выражения типа «если... то...», например: «много снегу – много хлебу»; «вода разольется – сена наберется».

Повторение, основанное на символике возрождения, тех или иных природных состояний служило предпосылкой появления так называемых варьированных повторений дней. Фиксацию этого, как отмечает ряд этнографов, находим в традиционном народном календаре. Например, рождественским Святкам соответствовали так называемые Зеленые – летние (приходившиеся на конец июня) или весенние (Троицкие) обряды (И.П. Сахаров). Дублирование дней, по мнению И.П. Сахарова, образует костяк календаря и календарной обрядности, выражаемый в подробностях действия, соответствующего мертвенному или плодородящему состоянию природы [8].

Большую степень повторения обрели игры, подчеркивает И.П. Сахаров, соотносимые с ряженьем, зажжением костров, купанием и т.д. Отклонение в повторяемости этих игр наблюдается в осенние месяцы, когда на первый план выдвигаются обряды, связанные с уборкой урожая. По существу, характер и целеустремленность игр октября-июля едина: они только варьируются применительно к той обстановке, в которой совершаются.

Символика календарного обряда зачастую (если праздник не приходился на время поста) также характеризовалась использованием одних и тех же атрибутов и действий: обходом дворов, персонафикацией праздника в песнях и ритуальных действиях с куклами (образы Коляды, Масленицы, Купалы), использованием природных украшений (трава, ветви деревьев, украшенные лентами ветки и т.д.), употреблением определенных видов пищи (кутья, блины, крашеные яйца, печенья «козули», «жаворонки»), почитанием предков.

Праздники включали целые ритуальные комплексы. Ф.С. Капица описывая масленичный обряд отмечает, что с каждым днем масленичной недели (встреча, заигрыш, лакомка, разгул, тещины вечерки, золовкины посиделки, прощенное воскресенье) связан свой комплекс обычаев и ритуальных действий. В этот день бытовал обычай «возить дерево»: сухое дерево (березу или ольху), спиливали и укрепляли на снях, украшали лентами, лоскутами, бубенчиками и проводили его вдоль колесо [4, с. 157].

Во время масленичной недели совершали обряды поминовения и продуцирующие обряды. Обряды поминовения ярко иллюстрировали первый и последний день Масленицы: первый блин первого дня не ели, отдавали нищим на помин души (этнографы связывают этот обычай с культом усопших), в последний день – воскресенье (целовник, Прощеный день) полагалось не только просить прощения друг у друга, но и сходить на кладбище, попрощаться с умершими. [4, с.159].

Обряды встречи весны приурочивали к Благовещенью. Утром молодежь поднималась на крыши или забиралась на возвышенности (бани, верхушки скирд или поленицы) и начинала «гукать», призывать весну. Но поскольку праздник приходился на время Великого поста, с ним не связывались пиршества и людные гуляния. В этот день происходило специальное освящение просфор в церкви (потом ее могли класть в сетево, брать с собой в поле, скармливать домашнему скоту). В праздник выпускали на волю птиц, произнося приговор:

Синички-сестрички,
Вы по воле полетайте,
Вы на вольной поживите,
К нам весну скорей ведите.

На праздник также распространялось запрещение работать на земле и ездить в лес. В этот день совершали очистительные обряды: били в металлическую посуду, зво-

нили в колокольцы, сжигали солому и всякое старье, совершали ритуал освящения зерна – освещение иконой с изображением Благовещенья и произнесением приговора:

Матерь Божья!
Гавриил-архангел!
Благовестите, благоволите,
Нас урожаем благословите,
Овсом да рожью,
Ячменем, пшеницей,
И всякого жита сторицей.

Входящие в летний цикл праздников Зеленые Святки являлись рубежом лета и зимы и состояли из нескольких обрядов: внесения в село березки, завивания венков, кумления, похорон кукушки (Костромы или русалки). При этом березка считалась символом неисчерпаемой жизненной силы. Во всех обрядах участвовали ряженные, изображавшие чертей, животных, русалок. Исполнялись обрядовые песни с *имитативным* сюжетом «Ты удайся, удайся мой лен» (в танцевальных действиях девушки сеяли, пололи, дергали, трепали, чесали, пряли лен), «Мы просо сеяли» (участники имитировали процессы сева, молотбы, засыпания в загреб проса).

Важнейшие осенние сельскохозяйственные праздники жажинки (начало жатвы) и дожинки (окончания) не имели закрепления в календаре, поскольку напрямую зависели от созревания злаков, также были наполнены обширным комплексом обрядов.

Начало жатвы отмечалось особым обрядом «первого снопа», называемого «именинником» (как правило, его жала старшая женщина в семье). Сноп обвязывали разноцветными лентами, украшали цветами и ставили под иконами в переднем углу. По окончании жатвы сноп скармливали домашним животным, сохраняя зерна (символы будущего урожая – возрождения жизни хлебов) до следующего сева.

Процесс жатвы сопровождался обрядовыми заживными песнями, строй и ритм которых помогали организации тяжелого труда. Как описывает А.А. Коринфский, по утрам выходили «зажинчики и зажинщицы на свои загоны, зацветала-пестрилась нива мужицкими рубахами да платками бабьими, ...песни заживные переключались от межи до межи. На каждом загоне шла впереди всех прочих сама хозяйка с хлебом-солью да со свечкой. Первый сжатый сноп – «зажиночный» – звался «снопом-именинником» и ставился особь от других; ввечеру брала его зажинщица, шла с ним впереди своих домашних, вносила в избу и ставила именинника в красный угол хаты... На

дожинки по деревням устраивали «мирскую складчину», ...пекли пирог из новой муки... и праздновали окончание жатвы, сопровождая особыми, приуроченным к тому, обрядом». В складчине участвовали всем миром, поскольку, стараясь закончить работу быстрее, часто хлеб дожидали «всем миром» [5, с. 106].

Сопровождалось особыми обрядовыми действиями и окончание жатвы. Как отмечают этнографы, в отдельных регионах оно было связано с обрядом «козы»: старшая жнея оставляла небольшую круглую площадку несжатых колосьев, вокруг и внутри которой насыпалась трава, клались ломти хлеба, посыпанные солью. Колосья связывались наверху, образуя небольшой шалаш, называемый «козой». Над козой читались молитвы, благодарящие Бога за урожай и благополучный исход труда.

К концу жатвы был приурочен и обряд женитьбы серпа: жницы благодарили серп за то, что он был хорошим тружеником и не резал рук. Как отмечает Ф.С. Капица, серп обматывали пучком колосьев (при этом они свешивались с острия), «несколько раз кололи землю с приговором: «Ниву ждали / Страду пострадали / Гибкими спинами / Острыми серпами. / Слава Богу, / До Нового году». На поле оставляли несжатый пучок колосьев, пожинальную «бороду» («заламывали бороду»), предназначенная кому-нибудь их христианских святых: Илье Пророку, Николае Чудотворцу или Егорию. Стебли свивали жгутом, а колосья втаптывали в землю. Затем сверху клали кусок хлеба, посыпанного солью. При этом женщина приговаривала: «Вот тебе, Илья, борода, / Расти овес на прок, / Корми добро коня» [4, с. 151].

Последний сноп приносили в церковь и освящали. Его также украшали лентами, лоскутами, цветами, фиксирует Г.П. Блинова, «ставили под образа, где он стоял до Покрова... В день Покрова его торжественно выносили во двор и с особыми закличаниями скормливали домашним животным, чтобы не болели. Закормленная таким образом скотина считалась подготовленной к долгой суровой зиме» [3, с. 107]. Зерно из снопа в начале будущего сева подсыпали в сетево.

Вместе с тем с повторяемостью, закономерно отмечается исследователями, обнаруживается и периодичность проведения обрядов.

Использование одних и тех же элементов в разных обрядах замкнутого годового цикла, с одной стороны, по мнению В.Я. Проппа, объяснялось цикличностью повторений жизненных явлений и «единой мировоззренческой основой и объединяю-

щей все действия и помыслы земледельца задачей вырастить и сохранить урожай», с другой – утверждало понимание возобновляемости всего живого как некоего заданного мирозданием закона [6, с. 54].

При этом «возобновляемость» основывалась на статично закрепленных в календаре элементах, проявляемых сквозь призму разворачивания механизма концепта «возрождение». Таким образом, своеобразное отношение к времени в мозаике культурных традиций явилось скрытым фундаментом, определяющим суть всей земледельческой культуры.

Так вводилась символика центрального семиотического ряда – символика круга, кольца, колеса. *Круг* – первичный символ единства бесконечности. Движение по кругу означало постоянное возвращение к самому себе, возрождение первоначала.

Идея круга проявилась в календаре и была связана одной смысловой связью с солнцеворотом. Календарь природы строился на том, что каждая дата, отмеченная на круге, обозначает поворот погоды. *Кольцо* – всегда рассматривалось как символ сближения, совершенства и бессмертия. *Колесо* служило символом солнца, бега времени по определенной колее. Потому движущееся колесо было знаком динамизации самой жизни [9, с. 31].

К началу II тысячелетия практически каждый день года оказался связан в христианской традиции с памятью того или иного святого, апостола или другого почитаемого лица, особо чтимыми чудотворными иконами. Как писал А.К. Байбурин, «церковный месяцеслов пристраивался не на пустое место, а на сложившийся задолго до него народный земледельческий календарь... Церковные даты служили лишь удобными ориентирами для определения последовательности земледельческих работ и занятий. Земледельческое осмысление этих дат отчетливо проявляется при ближайшем рассмотрении» [2, с. 4].

Основой для нового календаря явились *святцы*. Праздничные циклы, соединяясь между собой, образовали цепочку ежедневных средних и малых праздников (полупраздников), календарных примет и наблюдений, зарифмованных в присловья, образуя устный крестьянский календарь – *земледельческий месяцеслов*.

К церковному календарю оказался приуроченным календарь хозяйственный: начало сева, сенокоса, жатвы и т.д. Аграрный год продолжал условно делиться на две части. К первой части аграрного года – зима и весна, – носившей охранительный характер,

«отходили» два главных праздника подвижной части календаря, символизирующие саму идею возрождения, Масленица (славянский Новый год) и Пасха, а ко второй – лето и осень, – носившей благодарственный характер, – третий праздник подвижной части календаря Троица – Зеленые Святки – символ окончательно пробуждения природы. Не случайно, в основе их празднования закладывалась символика разжигания *огня* (в виде костра или священного огня Воскрешения), символика горящих колес, спускаемых с пригорков, игры с кольцами или крестные ходы, совершаемые в обхождении по кругу культовых мест.

Формой проявления очищения, возрождения, обновления человека в обрядовой жизни жизни пронизывающие круглый год посты. Эта нравственная сторона поста влияла на повседневную жизнь русского человека, в которой не допускались ни игры, ни песни, ни шумные сборища; разрешались лишь песни закликательного содержания (окликания), и то они не пелись, а скорее кричались.

Календарный (и в этом соответствии обрядовый) год строился по принципу вечно-го круговорота. Русский человек понимал его практическое выражение – зима и лето сменяют друг друга, и верил, что год, как, по сути, и вся жизнь человека, символически отражает переменчивый баланс сил Зла и Добра, Света и Тьмы. При этом утверждалось единое знание: вечное возвращение Жизни, открывающее перед людьми новые жизнеустроительные горизонты.

По мнению А.Н. Афанасьева, календарная обрядность исходила из мировых координат (деления года на летние и зимние циклы, когда весна – преддверие лета, а осень – зимы). Обрядность, утверждает ученый, как бы образовывала восходящую кривую от Рождества к Иванову дню и нисходящую – от Иванова дня к Рождеству. Такая траектория движения давала пред-

ставление о годовом обрядовом круговороте, опорными точками которого были зимний и летний солнцевороты [1].

Календарь явился великим архаическим символом возрождения, борьбы природных стихий. При этом восстановление равновесия каждый раз было «динамическим», то есть подвижным, о чем и свидетельствовал, по мнению русского человека, сам естественный годовой цикл природы – «круглый год».

Возникая на основе производственной деятельности, обряды также стали средством выражения архетипного основания традиционной культуры, формой трансляции коллективных эмоций и духовного здоровья, механизмом передачи многовекового опыта земледельческой культуры, ее ценностей и идеалов. Не случайно система обрядовых действий выполняла множество функций: организационную (трудовую), прогностическую, утилитарно-эстетическую (художественную), коммуникативную, социальную и т.д.

При всей своей консервативности (русские народные обряды одни из наиболее архаичных) обряды, в определенной мере отражали изменения, происходившие в культуре русского народа на протяжении его истории, под действием глубоких и длительных этнокультурных процессов, межкультурной коммуникации (будь-то смена хозяйственного уклада, территории проживания, утверждение религии и т.д.).

Календарь и обряд заключили в себе богатейший опыт людей по освоению природы и окружающей среды, систематизированный и сакрализованный (архетипный) в призматическом сознании в идее реализации концепта «возрождение». Календарь и обряд в их художественном оформлении дали запечатление модели мира человека традиционной культуры и природы, так полноценно выразившихся в художественном творчестве русского народа.

Список литературы:

- [1] Афанасьев А.Н. Народные праздники. Древо жизни. – М.: Современник, 1982. – 464 с.
- [2] Байбурун А.К. Календарь и трудовая деятельность человека. (Русский народный традиционный календарь). – Л.: Знание, 1989. – 32 с.
- [3] Блинова Г.П. Художественное творчество народа в календарных праздниках и обрядах // Народная художественная культура / Учебник; под ред. Баклановой Т.И., Стрельцовой Е.Ю. – М.: МГУКИ, 2000. – С. 76–111.
- [4] Капица Ф.С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы: Справочник. – М.: Наука; Флинта, 2008. – 216 с.
- [5] Коринфский А.А. Народная Русь. – Смоленск: Русич, 1995. – 656 с.
- [6] Пропп В.Я. Русские аграрные праздники (опыт ист.-этногр. исслед.). – М.: Лабиринт, 2000. – 188 с.
- [7] Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. – М.: Наука, 1988. – 235 с.
- [8] Сахаров И.П. Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым / Сост. и коммент. С.Д. Ошевского; предисл. Г.П. Присенко. – Тула: Приок. кн. изд-во, 2000. – 477 с.
- [9] Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов. – М.: ООО «Издательство АСТ», Харьков: ООО «Тросинг», 2002. – 591 с.